

Summary

Merezhko O. O. Typology of international legal norms in the light of psychological theory of law. — Article.

The article is devoted to the exploration of international legal norms' typology in the light of psychological theory of international law. Author, inter alia, considers such kinds of international legal norms as intuitive and positive international law, official international law, as well as peremptory norms of this law and natural law.

Keywords: theory of international law, philosophy of international law, psychological theory of law, norms of international law, peremptory norms of international law, natural law.

УДК 341.64

Н. А. Зелинская

«ОШИБКА В ЗАПРЕТЕ» ИЛИ «ОНЕМЕНИЕ СОВЕСТИ»? УРОКИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

В послевоенном Нюрнберге 65 лет тому назад, 1 октября 1946 года, был оглашен приговор, которым впервые в современной истории были осуждены не нарушители, а создатели и исполнители государственных законов, обвинявшиеся в преступлениях против международного права. Важным итогом учреждения и деятельности Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны явилось создание автономного от национально-правового и приоритетного по отношению к нему международного уголовно-правового запрета. Это событие стало одним из основных этапов формирования нового международного правопорядка, его победой в борьбе с преступным «правопорядком» преступного государства.

Государство нередко устанавливает «правопорядок», придающий видимость законности грубым и массовым нарушениям прав человека, предписывая совершение тягчайших злодеяний и создавая тысячи соучастников этих злодеяний. В таком случае преступление проявляется, как правило, не в девиантном, а в конформистском поведении. Речь идет о преступлениях, с которыми государство не только не борется, а, наоборот, само их инициирует. Такие преступления совершаются по приказу правительств, ими поддерживаются или систематически укрываются. Это — «наднациональная» «макропреступность» [1]. Развязывая войны и осуществляя жесточайшие внутренние репрессии, руководители государств совершают широкомасштабные и систематические нарушения прав человека, придавая им видимость «легитимности». Международное право стремится к ограничению такой возможности, объявляя преступными и наказуемыми деяния виновных лиц.

Нюрнберг не только инициировал революцию в международном праве, но и затронул многие аспекты права внутригосударственного [2]. Использование юридической категории «преступление» для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло право-

судия. В ходе и под влиянием Нюрнбергского процесса в пределах международного права стала развиваться система норм, имеющая свой механизм криминализации и механизм правосудия, то есть система, устанавливающая преступность деяния и подчиняющая его своей юрисдикции. Было признано, что органы международной уголовной юстиции и внутригосударственные суды вправе осуществлять правосудие непосредственно на основе норм международного права. Это положение отражено в Уставе Международного военного трибунала в содержащейся в статье 6 (пункт «с») формуле относительно подлежащих его юрисдикции преступлений независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Международное право проявило способность самостоятельно определять сферу уголовной репрессии, что потребовало расширения концептуальных границ уголовно-правового права за пределы сугубо национально-правового подхода. Понятие «преступление» уже не столь безраздельно, как ранее, контролируется государством. Международное преступление — это посягательство на универсальную этику и общечеловеческие ценности, подлежащее солидарному уголовному преследованию государств либо мировым сообществом в целом.

Индивидуальная международная уголовная ответственность является одним из средств, которыми международное право стремится противодействовать грубым нарушениям прав человека. Незнание международно-правовых запретов, отвечающих нормам естественного права, ни в коей мере не исключает вины. В основе универсального характера международно-правового уголовного запрета лежит вытекающая из естественного права универсальность защищаемых ценностей. «Как имманентное свойство человека, характеризующее его как представителя всего человеческого рода, права человека являются внетерриториальными и вненациональными. Они составляют общецивилизационную, общекультурную ценность независимо от наций, идеологий, религий, и поэтому давно стали объектом международно-правового регулирования. Права человека являются непосредственно действующим правом и могут применяться *«contra legem»* — вопреки закону, если закон противоречит фундаментальным правам человека: не отображает естественно-правовые начала; не отвечает общепризнанным международно-правовым принципам и нормам о правах человека и гражданина...» — отмечает Н. И. Козюбра [3, 92].

Сегодня можно констатировать, что существуют две относительно самостоятельные уголовно-правовые системы: международно-правовая и внутригосударственная. Государства обязаны иметь такие правовые системы, которые не противоречат международно-правовым требованиям и не ставят находящихся под их юрисдикцией лиц в ситуацию выбора уголовно-правового запрета. Однако национальный закон как официально-властное нормативное явление может не соответствовать международно-правовым нормам. Ответствен ли в таких случаях индивид за нарушение норм международного права, если он выполняет предписания права национального? Может ли поведение, не преступающее национальный закон, расцениваться как преступное? Где, в этом случае, грань между правомерным поведением и преступлением; как следует

интерпретировать принцип *nullum crimen, nulla poena, sine lege*? В какой мере деяния, совершаемые по предписанию государства, могут быть вменены в вину индивиду? И, наконец, должен ли он принимать на себя риск быть подвергнутым уголовному наказанию в своем государстве за неисполнение его законов?

Все эти вопросы неизбежно возникают в том случае, когда индивид привлекается к уголовной ответственности по международному праву, в то время как его поведение не расценивается как преступное с точки зрения национального права. Ответы на них пришлось искать судьям в ходе Нюрнбергского процесса.

Перед судьями в Нюрнберге стояла сложнейшая правовая и политическая задача: вместить в строгие правовые рамки феномен абсолютного зла невиданных ранее масштабов и цинизма. Насаждавая «новый порядок», фашистская власть безжалостно уничтожала миллионы людей, превращая жизнь на земле в ад концентрационных лагерей, гетто и тюрем, тени разрушенных городов и сгоревших сел. Фашизм стал символом и воплощением преступной политики и международного преступления.

Кровавый террор нацистов осуществлялся в соответствии с законодательством, «узаконивающим» совершение массовых преступлений. Фашисты насаждали «новый порядок». Совершение преступлений предписывалось и организовывалось руководителями III рейха. Они осуществлялись в огромных масштабах и различными способами, одним из которых стал закон. В речи в рейхстаге 13 июля 1934 года Гитлер объявил себя «высшим законодателем немецкого народа» [4, 29].

Как известно, защитники обвиняемых в ходе Нюрнбергского процесса выдвигали различные аргументы, в частности, следующие: 1) события международной политики не могут быть предметом юридических решений, а поскольку война — средство политики, то к уголовной ответственности за ее развязывание привлекать нельзя; 2) привлечение обвиняемых к уголовной ответственности является нарушением принципов «*nullum crimen sine lege*» и «*ex post facto*»; 3) все действия, предпринятые от имени государства, не подлежат суду третьего государства (доктрина государственного акта); 4) глава государства мог быть осужден лишь национальным судом (принцип иммунитета глав государств); 5) преступное действие, совершенное в соответствии с приказом начальника, не может рассматриваться как преступление. Этот перечень может быть дополнен ссылками на крайнюю необходимость, доктриной «коллизии обязанностей» и другими. Получался замкнутый круг — глав государств судить нельзя, поскольку они обладают иммунитетом, правительство и военное командование действовали от имени государства — следовательно, неподсудны, а все остальные преступники действовали в соответствии с приказами и также не отвечали за свои действия [5, 49].

Одной из основных концепций, положенных в основу защиты, стала так называемая доктрина об «ошибке в запрете» («ошибке в праве», то есть ошибке относительно того, является ли определенный тип поведения преступлением).

Относительно применения доктрины об «ошибке в запрете» по делам о нацистских преступниках Р. Буш писал: «Огромное значение представляет про-

блема ошибки в праве для осуждения преступников против человечности... Нередко встречаются случаи, когда субъект предполагает, что его деяние правомерно ввиду обязывающего его к повиновению приказа государственного руководства или каких-либо не предусмотренных в законе оснований» [6, 98].

Выступивший на Нюрнбергском и ряде последующих процессов по делам нацистских преступников адвокат Г. Латернзер заявлял о наличии у обвиняемых непреодолимого «внутреннего конфликта», возникающего в их сознании из-за конкуренции двух систем законодательства: действующего внутринационального законодательства и положений международного права, по-разному оценивающих совершенные деяния. По мнению Г. Латернзера, «почти все, кто с 1945 года обвинялся в военном преступлении правовыми органами победивших наций, на самом деле совершали их либо по приказу своего начальника, либо на основании распоряжения своего правительства. Согласно законам своего собственного государства, он не смел отказываться от выполнения приказов, поступавших сверху... и потому совершил нечто такое, от чего не мог отказаться. Уже одно это исключало всякую возможность справедливо разрешить судебным порядком проблему определения ответственности за военные преступления» [7, 262, 271].

Как определить пределы правомерного поведения, если национальное право перестает быть мерилем дозволенного и преступного? Обязан ли человек оценивать закон своего государства с точки зрения его соответствия международному праву, и лишь после этого соблюдать его? Адвокат О. Штамер в своей речи в защиту Геринга вопрошал:

«Можно ли ожидать, что наказания будут признаны справедливыми, если преступник сам не мог рассчитывать на эти наказания, ибо в то время они не угрожали ему, и он считал себя вправе выводить справедливость своих действий, учитывая только лишь политическую цель? Разве может здесь помочь ссылка на закон нравственности, этот закон нужно еще найти?» [7, 49].

Между тем «закон нравственности» трудно было не найти. Противоречие между национальным правом фашистской Германии и правом международным было очевидным и вопиющим. Наряду с практикой прямого истребления определенных категорий населения, вводились специальные процедуры, направленные на устрашение и ликвидацию всякого сопротивления оккупантам. Примером такой процедуры был изданный 7 декабря 1941 года по распоряжению Гитлера и Кейтеля приказ «Мрак и туман», известный своей жестокостью. Знаменательно, что речи адвоката О. Нельте в защиту В. Кейтеля прозвучала яркая апологетика национального порядка:

«Мы живем в мире, вековое стремление которого направлено на создание порядка. Правда, порядок является также относительным понятием, но повсюду он является установлением взаимоотношений между людьми, которые бы обеспечили при учете особенности каждой страны наилучшую совместную жизнь. Это относится к внутрисоциальной жизни и к взаимоотношениям между народами. Кто же в этом порядке должен определять, что является правым и что является неправым? Масштаб для этого по сегодняшним поняти-

ям должен быть только государственным, то есть национальным. Сближение государств в развитии международной связи и общая цивилизация повлекли за собой выравнивание различных национальных представлений, несмотря на некоторую их дифференциацию. Следует признать, что это уравнение потерпело от известных национал-социалистских учений и их методов непоправимый удар. Тем не менее принцип остается неприкосновенным, что масштаб того, что является правым и что неправым, должен быть обусловлен национальностью, если мы не хотим нарушать порядка» [8, 333].

Г. Яррайсс, участвовавший в процессе на стороне защиты и выступавший с речью по общеправовым вопросам, акцентировал внимание на двух основных принципах германского права. Первый касался абсолютной власти Гитлера лично либо через соответствующие органы принимать законы, обеспечивать их исполнение и объявлять в судебном порядке. Второй принцип состоял в том, что эти законы не подвергались сомнению. Как подчеркивает И. А. Ледях, позиция Яррайсса основывалась на тезисе о «нормативной силе фактического», признающем за любым правовым актом силу общеобязательного предписания. Исходя из тождественности закона и права, Г. Яррайсс настаивал на том, что все действия руководства Германии соответствовали целям суверенной власти и ее носителя-вождя, а потому были законны в смысле принципов действовавшего права [9, 49]. Приведем принципиально важные цитаты из его выступления:

«Пока данный закон не был отменен по нормам немецкого конституционного права, все должностные лица иерархии должны были следовать ему. Ни один руководящий деятель не имел права, не говоря уже об обязанностях, проверять правомерность этого закона с тем, чтобы в результате этой проверки решить, выполнять его или нет. Нет ни одного государства в мире, в котором бы дело обстояло иначе. Оно не обстояло иначе и оно не может обстоять иначе. У каждого государства были такие случаи, когда приказы его высшего руководства, выполнение которых было обязательно для всей иерархии, если государственный порядок вообще должен сохраниться, иногда находились в противоречии с нормами международного права, божественного права, естественного права, разумного права» [8, 36].

И далее: «Я повторяю: приказ Гитлера являлся для человека, к которому он относился, обязательным, а именно юридически обязательным, даже если эта директива противоречила международному праву или другим принятым критериям... Видимо, наличествуют какие-то совершенно особые условия, если целая современная нация позволяет, чтобы ею управляли с помощью деспотических средств, даже если эта нация так склонна к повиновению, как германская. А пока существуют такие условия, то внутри государства не может быть противодействия» [8, 40–41].

При такой интерпретации виновником величайшей трагедии XX века оказывается только один человек — «фюрер», нарушивший международное право, в то время как непосредственные исполнители тягчайших преступлений предстают невинными. Но может ли оправдывать право, предписывавшее совершать невиданные злодеяния и являющееся само по себе злодеянием, че-

ловека, «не преступающего» национальный уголовно-правовой запрет, но нарушающего абсолютные нормы естественного права?

Сегодня кажется кощунственным, что обвиняемые и их защитники в качестве оправдательного аргумента называли веления долга и совести. Однако, как пишет профессор Оксфордского университета Клаудиа Кунц в книге «Совесть нацистов» (2003), «словосочетание «совесть нацистов» не является оксюморонами... Нам трудно представить, чтобы у тех, кто осуществлял массовые репрессии, могла быть своя этика, эти репрессии, по их мнению, оправдывавшая; однако история Третьего рейха свидетельствует, что в большинстве случаев дело обстояло именно так. Популяризаторы антисемитизма и устроители геноцида руководствовались вполне последовательной системой строгих этических максим, опиравшихся на глобальные философские предпосылки... Полагая, что представления о должном и недолжном развиваются в соответствии с потребностями конкретных этносов, они отрицали существование общеобязательных моральных ценностей и выдвигали вместо них «чисто арийские» моральные принципы» [10, 23]. «Совесть» (*conscience*) — емкий термин, подразумевающий такие понятия, как «идентичность», «сознание», «идеалы» и «этические стандарты, — утверждает К. Кунц. — Совесть (и в этом смысле данный термин близок туманному немецкому термину *Weltanschauung*), «мировоззрение — руководит индивидуальным выбором, создавая смысловые структуры, в рамках которых формируется идентичность... создают своеобразную ментальную архитектуру, в пределах которой осуществляется наш моральный выбор» [10, 27].

В 1949 г. Г. Вельцель, в приобретшем широкую известность эссе «О заблуждающейся совести», проанализировал воззрения от Аристотеля и Канта до Сартра и современных экзистенциалистов относительно «центральной проблемы совести» и пришел к следующим выводам: «Во-первых, для любого лица нет очевидных положений естественного права; по поводу всех морально-этических требований можно заблуждаться, но заблуждение не исключает вину. Оно извиняемо при «ожидаемом и обнаруживаемом напряжении совести виновника». Неизвиняемым является заблуждение прежде всего при недобросовестности, то есть «при слепом выполнении требования, могущего быть признанным дурным». Во-вторых, предпосылкой заблуждения совести является наличие морально-этических ценностей. Норма не является обязательным правом, если она нарушает «минимальные» требования, предъявляемые к «коллективному порядку». Однако нормы, принимающие во внимание «нравственный минимум», но имеющие «неуместное для исторической ситуации регулирование» (например, нарушающие принцип равенства), хотя и являются несправедливыми, но выступают как «обязывающее право», которое может быть отменено только «путем лучшего регулирования» [7, 266].

Как известно, перед проведением в ФРГ так называемой «большой реформы уголовного права» особое внимание уделялось проблеме ошибки в запрете (*Verbotsirrtum*). В решении Верховного суда ФРГ от 18 марта 1952 года об ошибке в запрете говорится:

«Человек, стоящий на почве свободного нравственного самоопределения, должен в любое время принимать ответственные решения, вести себя как член правовой общественной жизни и избегать несправедливости. Этой обязанности он не отвечает, если только воздерживается от всего того, что ему кажется несправедливостью. Напротив, при всех своих действиях и намерениях он должен ясно сознавать, согласуемо ли то, что он делает или намерен делать, с положениями категорического правового императива. Сомнения он должен рассеять путем размышлений или справок. Для этого необходимо напряжение совести, степень этого напряжения зависит от обстоятельств дела и от жизненных и профессиональных условий существования отдельного лица. Если он, несмотря на напряжение совести, к которому его можно считать способным, не смог осознать неправомерность своего деяния, ошибка была непреодолимой, действие для него неизбежным. В таком случае на него не может быть возведено обвинение. Если же при значительном напряжении совести виновник мог осознать неправомерность своего действия, незнание запрета не исключает вины» [11].

«Вопрос о совести стал сегодня центральным вопросом морали и ее познания; в особенности это относится к католическому моральному богословию», — пишет в своей книге «Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени» Папа Римский Бенедикт XVI (Й. Ратцингер) [12, 104]. Проблема совести, в том числе совести «заблуждающейся» — тема извечных богословских споров. Не вдаваясь в существо этой глубокой мировоззренческой проблемы, приведем некоторые суждения авторитетных богословов.

«Между юридическими обязанностями и нравственными могут быть и столкновения; но власть, во всяком случае, требует от подчиненных безусловного повиновения, признавая нравственные возражения против своих предписаний только за внушения заблуждающейся совести. Иначе юридически порядок немислим» [13, 421].

«В немощной или заблуждающейся совести все же неизбежен элемент нравственного чувства, хотя и превратно воспитанного и неверно истолкованного» [14, 125]. «Совесть, обыкновенно, подсказывает правду (то есть верно различает добро и зло ... но иногда она заблуждается ... когда принимает зло за добро... Отсюда выводится, что человек обязан следовать внушениям совести не только прямой, но и невинно заблуждающейся и что, поступив в этом последнем случае вопреки своей совести (заблуждающейся), он впал бы в грех» [15, 110].

«Никто не станет оспаривать истинность принципа: всё, совершаемое вопреки голосу совести, есть грех», — заявляет Бейль и тут же провозглашает столь же, по его мнению, неоспоримый принцип, с которым на самом деле далеко не все согласятся: все, что человек совершает, следуя своим убеждениям, голосу своей совести, должно расцениваться как безупречное и заслуживает полного одобрения [16, 54].

Особый интерес представляют для нас рассуждения Папы Римского Бенедикта XVI относительно «заблуждающейся совести» Гитлера и его приспешников:

«...Во время одной дискуссии в кругу коллег, обсуждавших вопрос о силе оправдания, исходящей от заблуждающейся совести... кто-то возразил против этого тезиса [что заблуждающаяся совесть защищает человека от требований истины и тем самым спасает его], что, если это так, то, значит, спасены и пребывают в раю эсэсовцы, совершавшие бесчеловечные злодеяния в фанатичной убежденности и с совершенно спокойной совестью. Другой участник спора вполне уверенно заявил, что так оно и есть. Нет, сказал он, никакого сомнения в том, что Гитлер и его соратники, глубоко убежденные в правоте своего дела, не могли действовать иначе, а потому — как бы объективно ни были ужасны их деяния — субъективно они поступали нравственно. Раз они следовали велениям (пусть и ошибочным) своей совести, их действия необходимо признать моральными, а потому не следует сомневаться и в их вечном спасении. После того разговора я с полной очевидностью осознал, что в теории оправдания субъективной совестью что-то не так, иными словами, что понятие совести, ведущее к таким выводам, ложно. Твердая субъективная убежденность и следующее из нее отсутствие сомнений и колебаний не оправдывают человека...» [12, 104]. «Заблуждение, заблуждающаяся совесть удобны лишь в первый момент. Затем онемение совести (выделено нами. — Н. З.), если с ним не бороться, превращается в лишение мира человеческого облика и смертельную опасность» [12, 104].

Какое же «онемение совести» должно было постичь организаторов и исполнителей великих злодеяний Второй мировой войны, чтобы не осознавать несправедливость и преступность созданного нацистами «порядка»? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к описанию Освенцима в приговоре Нюрнбергского трибунала:

«В Освенциме... трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения. Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать... Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли... На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от температурных условий... После того как тела выносили из камер, наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выданных у трупов... После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи» [17, 469].

Нет и не может быть такого закона, который бы усыплял человеческую совесть до такой степени, чтобы она «позволила» оставить безнаказанными и стереть из людской памяти такие злодеяния! Вспомним великие слова Ф. М. Достоевского: «Речь идет о *моральной памяти человечества*. Имеет ли человечество моральное право забывать такие преступления? Может ли совесть человечества допустить даже мысль о такой «гармонии», при которой подобные преступления могут быть прощены?» [18, 73].

Совість человечества, шокированная преступлениями нацистов, стала основой этической и правовой солидарности мирового сообщества. Знаменательно, что в Преамбуле Всеобщей декларации прав человека содержится прямое напоминание о том, что «пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества». О том, что «миллионы детей, женщин и мужчин стали жертвами невыносимых злодеяний, глубоко потрясших совесть человечества» говорится в Преамбуле Римского статута Международного уголовного суда.

Утверждение международной уголовно-правовой системы связано с универсализацией концепции прав человека. «Движение за международное признание и защиту основных прав человека, — пишет Э. Цоллер, — в какой-то мере является случайным последствием Нюрнбергского судебного процесса в том смысле, что его, вероятно, не было бы, если бы не было необходимости нанести смертельный удар по нацистской идеологии» [19, 97]. «Приговорам Нюрнбергского трибунала язык зла и варварства, ужаса и злодеяний был переведен с помощью юридической терминологии как «нарушения прав человека», — подчеркивает С. Коэн [20, 8]. Профессор А. А. Мережко справедливо называет решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов «примерами действительности естественного права в XX веке» [21, 32].

Сегодня нельзя игнорировать то обстоятельство, что национальный суверенитет остается основным фактором международной жизни, и уголовное преследование за международное преступление может остро затрагивать основы этого суверенитета. Криминализация как определение сферы уголовной репрессии является выражением законодательной юрисдикции государства. Право, касающееся преступления и наказания, относится, прежде всего, к внутригосударственной прерогативе. Именно государство, в первую очередь, определяет, какие деяния следует рассматривать как уголовно наказуемые. В силу этого международные преступления являются по происхождению уголовно-правового запрета, преимущественно, национальными. Вместе с тем присущий государству суверенитет не влечет за собой исключительность права отдельных государств устанавливать преступность и наказуемость человеческого поведения. Сущность современного понятия международного преступления заключается в его относительной автономии от критериев преступного и наказуемого, содержащихся в национальном праве.

История показала, что человечество не имеет альтернативы тому пути, который открыт Нюрнбергским прецедентом — пути реализации идеи международной уголовной ответственности и развития международной уголовной юстиции, способной пресечь безнаказанность преступников, приносящих смерть и горе миллионам людей на планете.

Все больше судьбоносных для мира решений принимается на уровне Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности. Однако, перефразируя знаменитое выражение из приговора Нюрнбергского трибунала, можно сказать: решения от имени «мирового сообщества» принимаются «людьми, а не абстрактными категориями»... Существуют ли абсолютные гарантии того, что

люди, принимающие важные в нравственном и правовом аспектах решения, не окажутся под воздействием «заблуждающей совести», под влиянием кажущихся им безупречными морально-политических догматов, и какой может стать цена такого заблуждения?

Литература

1. Jäger H. Verbrechen unier totalitärer Herrschaft. Studien zur nationalsozialistischen Gewallkriminalität / H. Jäger. — Freiburg, 1967.
2. Ehrenfreund N. The Nuremberg legacy: how the Nazi war crimes trials changed the course of history / N. Ehrenfreund. — Palgrave Macmillan, 2007.
3. Козюбра М. Правовий закон: проблема критеріїв // Вісник Академії правових наук України : зб. наук. пр. — 2003. — № 2–3 (33–34). — С. 83–95.
4. Алексеев Н. С. Ликвидация законности в третьем рейхе и преступления нацистской юстиции // Нюрнбергский процесс и современность / отв. ред. В. В. Пустогаров. — М., 1986.
5. Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева. — М., 1975.
6. Алексеев Н. С. Ответственность нацистских преступников / Н. С. Алексеев. — М. : Междунар. отношения, 1968.
7. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие. Преступления против человечества / Н. С. Алексеев. — М. : Юрид. лит., 1986.
8. Яртых И. С. Нюрнбергский процесс. Защитительные речи адвокатов. Т. 1 / И. С. Яртых. — М. : Юрлитинформ, 2008.
9. Ледях И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ / И. А. Ледях. — М., 1973.
10. Кунц К. Совесть нацистов / К. Кунц. — М. : Ладомир, 2007.
11. Алексеев Н. С. Западногерманское «учение об ошибке в запрете» — теоретическое определение беззакония // Правоведение. — 1962. — № 1. — С. 93–101.
12. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени : пер. с нем. / Й. Ратцингер. — М. : Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. — (Серия «Современное богословие»).
13. Чичерин В. П. История политических учений / В. П. Чичерин. — М., 1877.
14. Янышев И. Л. Православно-христианское учение о нравственности: из лекций по Нравственному Богословию / И. Л. Янышев. — Тип. М. Меркушева, 1906.
15. Самарин Ю. Ф. Иезуиты и статьи богословско-философского содержания / Ю. Ф. Самарин. — 1887.
16. Богуславский В. М. Пьер / В. М. Богуславский. — М. : ИФ РАН, 2008.
17. Нюрнбергский процесс : сб. материалов. В 8 т. Т. 1. — М. : Юрид. лит., 1987.
18. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Ф. М. Достоевский. — М. : Гос. изд-во, 1956.
19. Доллер Э. Статус физических лиц в международном праве // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / отв. ред.: И. А. Ледях, И. И. Лукашук. — М., 1995.
20. Cohen S. Crime and politics: spot the difference // British Journal of Sociology. — 1996. — Vol. 47, N 1. — P. 1–21.
21. Мережко А. А. Введение в философию международного права. Гносеология международного права / А. А. Мережко. — К., 2002.

Аннотация

Зелинская Н. А. «Ошибка в запрете» или «онемение совести»? Уроки Нюрнбергского процесса. — Статья.

В статье анализируется влияние Нюрнбергского процесса на формирование института международной уголовной ответственности и развитие международной уголовной юстиции. Рассматриваются этические и правовые основания международной уголовно-правовой ответственности. Анализируется применение защиты нацистских преступников в Нюрнбергском процессе доктрины об «ошибке в запрете».

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, права человека, международное преступление, «ошибка в запрете».

Анотація

Зелінська Н. А. «Помилка в забороні» або «опіміння совісті»? Уроки Нюрнберзького процесу. — Стаття.

У статті аналізується вплив Нюрнберзького процесу на формування інституту міжнародної кримінальної відповідальності та розвиток міжнародної кримінальної юстиції. Розглядаються етичні та правові підстави міжнародної кримінально-правової відповідальності. Аналізується застосування захистом нацистських злочинців у Нюрнберзькому процесі доктрини про «помилку в забороні».

Ключові слова: Нюрнберзький процес, права людини, міжнародний злочин, «помилка в забороні».

Summary

Zelinska N. A. “Forbidden error” or “numbness of conscience”? Lessons from the Nuremberg trial. — Article.

The impact of the Nuremberg trials on the formation of the institute of international criminal responsibility and the development of the international criminal justice are analyzed in the article. The ethical and legal basis of international criminal liability is examined. The use of the “forbidden error” doctrine by the Nazi war criminals’ defense in the Nuremberg trial is approached.

Keywords: the Nuremberg trial, human rights, international crime, “forbidden error”.

УДК 341.174(4)

A. Materia

FREEDOM, SECURITY AND JUSTICE: SYMBOLIC VALUES OR EUROPEAN REVOLUTION?

1. Introduction: The Entry into Force of the Treaty of Lisbon. The entry into force of the Treaty of Lisbon (*hereinafter* ToL) [1], redesigning the framework of the European Union (*hereinafter* EU) criminal jurisdiction, has profoundly affected the relationship between criminal law, EU law and municipal law. In fact, it has allowed a systematic reconstruction of both the EU supranational competence in criminal matters and of EU criminal law as such [2]. This process, and the current EU criminal policy *agenda*, have both been informed by the Stockholm Program [3] (*hereinafter* SP) and by the Action Plan for the implementation of the Stockholm Programme [4] (*hereinafter* AP).

Before the entry into force of ToL, the general structure of the EU criminal jurisdiction — broken down into supranational law (based on the community integration of norms within the so-called First Pillar) and international law (based on the intergovernmental cooperation within the so-called Third Pillar) — was extremely cumbersome. In addition, since 2005, the overall situation had been further complicated by two well-known decisions of the European Court of Justice [5] (*hereinafter* ECJ), both acknowledging the EU criminal jurisdiction within the «First Pillar».

The new legal framework established through the ToL, instead, is not only much clearer, but also blessed with greater internal consistency. In this respect,